

Он боялся высоты, но, когда американские горки достигли самой высокой точки, он, ничего не опасаясь, крепко сжал руку Бай Шияня.

Цюй Чэнь знал, что он из тех людей, кто не прощает обид и всегда сводит счеты. Раз уж Цзянь Сунхуай забрал у него так много первых раз, то теперь он должен будет расплачиваться за это всю свою жизнь.

Хотя Цюй Чэнь выкупил весь зал, к счастью, кондитерская еще не закрылась. Бай Шиянь, вытащив из его кошелька крупную купюру, вошел внутрь, а когда вышел, в руках у него был маленький тортик.

Цюй Чэнь наблюдал, как он шаг за шагом приближается, а затем зажигает свечу.

— Цюй Чэнь, с днем рождения. В этот раз у нас наконец-то есть свеча.

Цюй Чэнь посмотрел в его полные ожидания глаза и тронул губы в улыбке.

В следующую секунду он задул свечу.

— Ты же не загадал желание!

— Мне не нужно желание. Мое желание уже исполнилось.

Его взгляд показался Бай Шияню странным, по затылку пробежал холодок.

Действительно, в следующую секунду Цюй Чэнь подался вперед и поцеловал его.

— Перестань, у меня для тебя еще подарок!

Цюй Чэнь, видя, что тот сопротивляется, с неохотой отстранился:

— Твой подарок — не ты сам?

Бай Шиянь закатил глаза:

— Ты целыми днями только об этом и думаешь?

— Нет. Я думаю об этом только тогда, когда думаю о тебе.

Бай Шиянь не стал отвечать и достал из кармана помятую сахарную вату.

— Держи. Я должен был дать тебе ее еще в первый год, но получилось только сегодня. Я знаю, что ты хотел ту, что делают из обычного сахара, но здесь такой нет, да и везти ее неудобно. Вернемся — я тебе ее куплю.

Цюй Чэнь взял протянутую сладость, развернул и положил в рот.

Он уже не помнил, сколько лет не пробовал настоящего сахара.

До встречи с ним он жил во тьме, и, кроме этого лица, ничего в его жизни не заслуживало света. Но теперь, кажется, и он может позволить себе сладости.

— Эта очень вкусная. Все, что даешь ты — прекрасно.

Бай Шиянь был тронут. Цюй Чэнь ел сахарную вату с таким благоговением.

— Цзянь Сунхуай, почему ты знаешь так много моих секретов? Кто ты такой на самом деле?

— А что, если я скажу, что меня прислала твоя младшая сестра?

— Это вполне возможно. Сяо Хэ всегда верила в фей.

— Ну, я не фея. Я, наверное... дай подумать... Великий Мудрец, Равный Небу?

Цюй Чэнь усмехнулся.

Кто бы ты ни был, как бы ты ни появился в моей жизни, раз уж ты пришел, я тебя не отпущу.

— Цзянь Сунхуай, запомни: даже если придется умереть, ты умрешь только вместе со мной.

Бай Шиянь опешил:

— Как можно говорить о смерти в день рождения? Какая гадость!

— Ты согласен?

— Не согласен я на такие требования! Никогда не встречал никого настолько мрачного, как ты!

— Ты согласен?

Его взгляд был полон решимости. У Бай Шияня не осталось выбора, пришлось кивнуть:

— Согласен, согласен, согласен... Мрачный ты тип...

В следующую секунду Цюй Чэнь уже потащил его на выход.

— Мы так быстро возвращаемся?

— Да, нас ждет основное блюдо.

Бай Шиянь, конечно, понимал, что под основным блюдом он подразумевает его самого... Но у него действительно болела поясница...

После того как день рождения закончился, данные над головой Цюй Чэня сменились на единицу.

— Чжачжа.

Система: Носитель, слушаю вас.

— Послушай, я потратил в этом мире уже больше трех лет, остался всего один балл, может, спишешь его мне?

Система: У меня нет таких полномочий. Прошу носителя добросовестно завершить задание.

— Я бы и рад завершить, но этот один балл никак не уходит, что мне делать?

Система: Судя по текущей ситуации, влияние антагониста на цель исчезло. Оставшийся балл связан либо с вами, либо с самой целью. Станет ли человек на путь зла — зависит как от влияния антагониста, так и от внутренних причин самой цели. Добро и зло — в одном шаге друг от друга. Постарайтесь, носитель, и добейтесь скорейшего выполнения задания.

Бай Шиянь вышел из системы и устался на спящего перед ним Цюй Чэня.

Теперь Цюй Чэнь спал почти не хмурясь, кажется, он отпустил ситуацию с сестрой. Компания вот-вот выйдет на биржу, он постоянно рядом с ним — так откуда же берется это зерно зла?

Цюй Чэнь, что тебя еще гложет?

Бай Шиянь бесцельно провел в огромном особняке Цюй Чэня еще полмесяца.

После той пресс-конференции он перестал ходить в университет. У него все равно не было таланта к преподаванию, а каждый раз выуживать из памяти воспоминания прежнего владельца тела было утомительно. К тому же, из-за их с Цюй Чэнем популярности в университете постоянно находились желающие расспросить об их истории любви. Бай Шиянь боялся случайно разрушить созданный Цюй Чэнем образ аскета, поэтому каждый раз просто молчал.

Цюй Чэнь тоже опасался лишних глаз и того, что кто-то может его обидеть, поэтому оставлял его дома.

Бай Шиянь был по натуре деятельным, безделье его тяготило, и он постоянно что-то переставлял или убирал. За это время он перевернул вверх дном весь особняк, кроме кабинета Цюй Чэня.

Он столько лет был с ним, но никогда не заходил в кабинет — разве что иногда, когда Цюй Чэнь хотел разнообразия и затаскивал его туда. Но в отсутствие Цюй Чэня он туда не совался.

Цюй Чэнь занимался инвестициями, и многие вещи не предназначались для чужих глаз, а Бай Шиянь не хотел лезть не в свое дело.

Однако сегодня он уже не знал, что бы еще прибрать, а Цюй Чэнь работал в спальне, так что он решил просто зайти и навести порядок в кабинете.

В кабинете было очень чисто, безупречно и педантично — под стать самому Цюй Чэню.

Бай Шиянь вошел с тряпкой, но она так и не пригодилась. Однако день нужно было как-то скоротать, и он, засучив рукава, начал перекладывать документы.

В ящике стола он нашел фотографию.

Это был их семейный портрет.

Похоже, раньше он стоял в рамке, но на снимке было много царапин — видимо, кто-то разбил рамку, и осколки повредили фото.

Цюй Чэнь и Цюй Хэ стояли перед родителями — счастливая семья из четырех человек.

Бай Шиянь достал снимок и нежно погладил маленькое лицо Цюй Чэня.

— В детстве ты так любил улыбаться, а теперь ходишь с каменным лицом.

— Ты, должно быть, очень скучаешь по родителям...

— Чжачжа, можешь узнать, в каком состоянии сейчас родители Цюй Чэня?

Система: Простите, в системе нет записей об этом. Есть только адрес.

Бай Шияню стало грустно. Он грустил за Цюй Чэня.

Он всегда думал, что камнем преткновения для Цюй Чэня была сестра, но на самом деле, помимо вины перед ней, он всегда жаждал семейного тепла.

Неудивительно, что Цюй Чэнь в последнее время постоянно говорит о том, что хочет завести ребенка.

Когда Цюй Чэнь вернулся, Бай Шиянь уже вернул все на места, как будто ничего и не было.

— Цюй Чэнь, давай на выходных куда-нибудь съездим?

— Куда?

— Хм... я еще не придумал, как придумаю — скажу.

Цюй Чэнь всегда во всем ему потакал, и если он хотел проветриться, то как он мог отказать?

После того как Цюй Чэнь уехал в офис, Бай Шиянь по подсказке системы отправился по адресу старого дома семьи Цюй.

Они не переезжали все эти годы.

Когда Бай Шиянь приехал, родители Цюй Чэня гуляли в парке неподалеку.

Сначала он их не узнал, пока система не подсказала.

Матушка Цюй выглядела намного старше, чем на фотографии. По логике, им с Батюшкой Цюй было лишь чуть больше пятидесяти, но ее волосы почти полностью поседели, и выглядела она на шестьдесят с лишним. Батюшка Цюй тоже ссутулился, и вид у него был болезненный.

Бай Шиянь подошел ближе и присел неподалеку. Услышав, как кто-то спрашивает, где их сын, он сжал кулаки.

Матушка Цюй ничуть не смутилась, улыбнувшись:

— Мой сын? Он открыл компанию, сейчас очень занят, нет времени нас навещать!

Соседи знали, что жена господина Цюя страдает депрессией и немного не в себе. Это ведь она в свое время выгнала сына из дома, а теперь, вероятно, даже не знает, где он, не то что о его компании.

Но они лишь посмеивались — этот вопрос задавали каждый день, просто ради забавы.

Матушка Цюй не считала это забавой. Видя, что ей не верят, она обиженно побежала к мужу.

Бай Шиянь стоял позади, глядя на их удаляющиеся, поддерживающие друг друга фигуры, и на душе стало горько.

Цюй Чэнь всегда думал, что родители его не простили, поэтому закрылся в себе. Но он не знал, что, возможно, это его родители боялись, что он не простил их, и не решались подойти.

Бай Шиянь увидел, как Матушка Цюй подошла к газетному киоску и, достав помятые купюры, купила журнал с Цюй Чэнем на обложке.

Ее руки были грубыми, она снова и снова поглаживала обложку, словно это было величайшее сокровище.

Затем она бережно спрятала журнал в тканевую сумку и крепко прижала ее к груди.

Бай Шиянь привез Цюй Чэня к воротам жилого комплекса, и выражение лица того было ужасным.

— Домой.

Цюй Чэнь потянул его обратно, но Бай Шиянь вырвался.

— Цюй Чэнь, я видел фотографию на твоём столе. Я знаю, что ты просто хочешь домой. Я был здесь вчера, они до сих пор живут здесь и ждут тебя. Вчера я видел, как твоя мама купила журнал с тобой.

— Компания твоего отца уже несколько лет как не процветает, денег почти не осталось, им

очень нелегко. Я думаю, тебе стоит на них посмотреть, хотя бы просто посмотреть. Не носи этот груз вины в одиночку.

Цюй Чэнь не обернулся, его голос звучал пугающе.

— Цзянь Сунхуай, неужели я был слишком добр к тебе? А теперь идем домой.

Бай Шиянь заранее знал, что Цюй Чэнь будет упрямиться. Он всегда таким был: о чем больше всего мечтает, о том и молчит. Но в глубине души он наверняка хотел их увидеть.

— Цюй Чэнь, хочешь — уходи, я не уйду. К тому же, перед тем как приехать, я позвонил им и попросил подождать у подъезда. Они наверняка уже идут к воротам. Если ты хочешь уйти — иди, а я не могу.

Цюй Чэнь резко обернулся и злобно посмотрел на него.

Не успел он схватить Бай Шияня, как увидел ту самую мать, которая когда-то жестоко его била и ругала.

— Цюй... Цюй Чэнь?! Это ты? Правда... правда?

Бай Шиянь стоял посередине, наблюдая за взглядом Цюй Чэня в этот момент.

Казалось, он наконец-то обрел свободу.

— Цюй Чэнь, я подожду в машине. Не торопись.

Матушка Цюй, поддерживаемая отцом, дрожащими шагами двинулась вперед.

Сколько лет она ждала этого сына.

В моменты просветления она днями и ночами молилась о его возвращении, но знала: как только вспомнит об аварии дочери, снова начнет срываться на нем.

Она знала, что была плохой матерью: не смогла защитить дочь и еще хуже обошлась с сыном.

Чего Цюй Чэнь не знал, так это того, что она тайком приходила к школе, чтобы посмотреть, как он идет домой, и шла следом.

Потом он пошел в старшую школу, не сообщив семье, и ей пришлось долго выяснять, где он

учится. Когда она пришла и увидела, что сын улыбается, она поняла: без нее он может быть счастлив. Но она не могла — без сына она не знала ни одной спокойной ночи.

— Сынок... ты... ты наконец-то вернулся...

Цюй Чэнь инстинктивно увернулся от ее руки и отступил на два шага.

Матушка Цюй посмотрела на свою пустую руку и самоиронично улыбнулась.

— Я знаю... ты, конечно...

Отец поддержал жену и посмотрел на Цюй Чэня.

Он давно знал, что карьера сына идет в гору, знал и о его постыдной связи с учителем. Но за все эти годы сын впервые согласился вернуться домой именно ради этого учителя.

— Цюй Чэнь, твоя мама и я ждали тебя много лет. Тогда... мы были неправы. Мы были трусливы и никчемны, мы перекладывали ответственность, во всем виноваты мы. Я боялся, что мама не выдержит удара, и в сердце у нее тоже была обида на тебя, вот мы и совершили ошибку, позволив тебе столько лет скитаться. Это отец был неправ.

Цюй Чэнь искоса насмешливо взглянул на него.

— Вы были неправы? В чем же? Виноват во всем только я, все всегда сводится к моей вине.

— Я приехал сюда совершенно случайно. Можете не беспокоиться, можете и дальше считать, что у вас нет такого сына. Я больше не потревожу вас.

Цюй Чэнь развернулся, чтобы уйти, но отец удержал его за руку.

— Цюй Чэнь, я знаю, что все эти годы тебе было нелегко, но с того дня, как ты съехал, мы с мамой не спали ни единой ночи.

— У мамы депрессия, я не смел просить тебя вернуться, а она боялась, что ты снова начнешь страдать. Мы отпустили тебя, чтобы защитить. Твоя сестра... ее нет уже столько лет, у нас с мамой никого не осталось. Теперь мы стары, у мамы бывают провалы в памяти, мы просто хотим, чтобы ты вернулся.

— Не переживай, мы не будем тебе мешать, просто изредка заходи проведать, чтобы мы не умерли в одиночестве, и никто об этом не узнал.

Цюй Чэнь вырвал руку.

— Когда я был вам неуютен, когда вы меня ненавидели — я должен был уйти. А теперь, когда я вам понадобился — я должен вернуться? Разве на свете бывает такая справедливость?

— Вы знаете, сколько тяжелых дней я пережил вдали от дома? Сколько ночей просыпался в холодном поту? Нет, вы не знаете.

— Я не знаю, как вы жили все эти годы, вы не знаете, как жил я. Но ведь мы все эти годы как-то жили, верно? Так давайте и дальше жить так же. Смерть Сяо Хэ — моя вина, я искупаю ее, а вы продолжайте искупать свою.

В этот раз Цюй Чэнь ушел, не оглядываясь.

Он услышал голос отца за спиной:

— Цюй Чэнь, мы с самого начала ни в чем тебя не винили.

У Цюй Чэня защипало в глазах.

Он почувствовал, как наконец-то может дышать.

Столько лет он ждал прощения от сестры, от родителей. Но на самом деле, больше всего он не мог простить самого себя.

Бай Шиянь в машине наблюдал, как Цюй Чэнь идет к нему. Данные над его головой сменились на ноль.

Система: До ухода осталось тринадцать минут.

Бай Шиянь увидел, как Цюй Чэнь сел в машину и лучезарно ему улыбнулся.

Цюй Чэнь злобно зыркнул на него и завел мотор.

— Цюй Чэнь, на самом деле ты счастлив, правда? Я знаю, ты никак не мог отпустить прошлое. Кстати, забыл тебе сказать: твоя сестра давно мне призналась, что никогда не винила тебя. Она сказала, что очень рада, что у нее был такой брат.

Цюй Чэнь слегка повернул голову. Этот человек был рядом с ним больше трех лет.

Он превратил его притворство в облегчение, а облегчение — в принятие. Казалось, все это было ради него.

— Цзянь Сунхуай, ты и правда ужасно назойливый.

— Эй, не говори так! Я все это делаю ради нашего будущего семейного счастья! Посмотри на свою кислую мину, кому ты ее показываешь? Я не хочу на это смотреть.

Цюй Чэнь рассмеялся:

— Не хочешь смотреть на меня — буду смотреть на тебя.

— Пф, кто просил тебя смотреть! Давай, води машину!

С тех пор как они стали жить вместе, Цюй Чэнь всегда вел машину очень осторожно и медленно. Он боялся, что Бай Шиянь пострадает.

Для Цюй Чэня: он сам мог пострадать, но Бай Шиянь — ни в коем случае. Даже малейшая царапина была недопустима.

— Цзянь Сунхуай, давай я свожу тебя в путешествие? Недавно я видел, что у тебя на заставке телефона Санторини. Как насчет того, чтобы поехать туда?

Бай Шиянь замер: «Ну почему ты не позвал меня раньше!»

— Э... здорово... если хочешь — поехали...

Цюй Чэнь не заметил ничего странного в его словах и продолжал:

— В Санторини очень чисто, тебе понравится. Потом можем поехать в Финляндию, смотреть северное сияние. Ты ведь давно хотел пожить в прозрачном отеле в Финляндии?

— Еще Бали. Недавно клиент проводил там свадьбу, я видел фотографии — идеальное место для медового месяца.

— И Швейцария. Я давно хотел научить тебя кататься на лыжах, в прошлый раз не вышло, жаль.

— Точно, еще Канада, она тебе подойдет.

— И еще...

Цюй Чэнь не успел договорить, как Бай Шиянь перебил его:

— Цюй Чэнь, не надо больше.

Цюй Чэнь удивился:

— Что такое?

Бай Шиянь поднял голову, на лице все еще была улыбка.

— Ничего, просто пить хочется. Останови машину у обочины, купи мне фруктового чая.

Цюй Чэнь с улыбкой щелкнул его по носу:

— Хорошо, жди меня.

Бай Шиянь сидел в машине, ожидая сигнала системы.

— Носитель, через минуту произойдет авария. Вы действительно хотите уйти именно так?

Бай Шиянь слегка прикрыл глаза:

— Пусть будет так. Чтобы у него не возникло лишних мыслей.

Цюй Чэнь стоял у входа в кафе, только собираясь толкнуть дверь, как с перекрестка донесся грохот столкновения.

Он обернулся и застыл, не в силах пошевелиться.

Его учитель... в той самой машине, которую перевернуло от удара.

— Я, наверное, перепил, точно, я перепил.

Цюй Чэнь увидел, как из машины высунулась окровавленная рука.

На запястье был браслет, который он надел на него только вчера.

Цюй Чэнь заказывал их по индивидуальному эскизу, в мире была только эта пара. Один был на его руке, другой — на руке учителя.

Как это возможно? Он же учитель, учитель не может уйти раньше ученика.

Лжец. Он ведь только что обещал поехать в путешествие.

Цюй Чэнь шаг за шагом подошел к машине и опустился на колени.

— Цзянь Сунхуай, ты лжец.

— Цзянь Сунхуай, в этот раз я тебя точно не прощу.

— Цзянь Сунхуай, я же говорил, что ты не можешь меня оставить. Я ведь ясно говорил.

— Я же ясно говорил... мы не можем расстаться... не можем.

Бай Шиянь вышел из тела Цзянь Сунхуая и нежно обнял Цюй Чэня.

— Прости. Считаю меня лжецом и негодяем. Но, Цюй Чэнь, ты должен жить дальше. Прости.

Система: Обратный отсчет до выхода: 5, 4, 3, 2, 1.

После ухода Цзянь Сунхуая Цюй Чэнь бесследно исчез.

Он заперся в доме, пропитанном его ароматом, решив прожить так всю оставшуюся жизнь.

— Учитель, посмотри, какая сегодня хорошая погода. Если бы ты был здесь, мы могли бы прогуляться.

— Кстати, Сюн Фэн женится, я передал подарок, не волнуйся.

— Тот магазин лапши, который ты любил, закрылся. Наверное, поняли, что такой постоянный клиент, как ты, больше не придет.

— Учитель, ты все-таки понимал меня лучше всех. Ты знал, что в моей жизни есть только ты. Смотри, ты один загородил собой весь мир, как я могу продолжать кого-то любить?

— Цзянь Сунхуай, мне всего двадцать семь, впереди еще так много жизни.

— Но моя жизнь уже закончилась.

<http://bllate.org/book/21660/2235053>